

А. Е. Сериков

**Что значит «сознательное действие»
или почему человек — не автомат**

Летом 2007 г., участвуя в I Всероссийской конференции по психологии сознания, я познакомился с замечательным петербургским психологом В. М. Аллахвердовым и его ученицами В. Ю. Карпинской, М. Г. Филипповой, В. А. Гершкович. На конференции они представляли научное направление, созданное Аллахвердовым и названное *психологией*. Оказалось, что в рамках этой же школы работает и хорошо известный в Самаре психолог А. Ю. Агафонов¹. Помимо того, что все они — прекрасные люди, общаться с которыми на любые темы — чистое удовольствие, их научные идеи просто завораживают.

Приведу, вслед за Аллахвердовым, основные постулаты психологии. Сознание не является «высшей формой отражения», или «интегратором психических процессов». Не является оно и орудием адаптации, поскольку можно экспериментально показать, что его активность неадаптивна. Нельзя всерьез считать, что сознание помогает мозгу бороться с информационными перегрузками или регулировать деятельность. Бессознательно мозг отражает, хранит, перерабатывает бесконечно большие объемы информации, чем те, что поступают в сознание, а также реагирует на любые стимулы и приспосабливается к любой ситуации намного быстрее и точнее, чем сознание².

Свою попытку понять загадку сознания психологика связывает с позицией радикального когнитивизма. Суть этой позиции в том, что «цель организмов, обладающих сознанием, — не выживание, а познание»³. Точнее, наиболее адекват-

¹ См.: Агафонов, А. Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. Самара : Бахрах-М, 2007.

² Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В. М. Аллахвердов и др. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 13–17.

³ Там же. С. 18.

ным описанием работы сознания оказывается такое, которое исходит из предпосылки, что познание — это основная функция сознания. С этой точки зрения, любые составляющие психики вообще рассматриваются либо как инструменты, либо как результаты познания. Такой взгляд также предполагает следующую «важную идеализацию: человек — это идеальная познающая система, не имеющая никаких физиологических ограничений на свои познавательные возможности»⁴. Из этой идеализации следует методологический вывод: нельзя объяснить специфику работы сознания физиологическим устройством человека; наоборот, это устройство следует понимать, исходя из того, каким оно должно быть, чтобы обеспечить эффективность познания.

Одна из главных идей заключается в том, чтобы различать *сознание* и *осознание*, поскольку далеко не все в работе сознания осознано. Познавая мир, сознание не столько отражает реальность, сколько проверяет гипотезы о том, что она из себя представляет. При этом осознанно человек никаких гипотез не конструирует. Все конструкты порождаются автоматически, неосознанно. Предположительно *существует механизм, который принимает решение о том, чтобы какие-то из порожденных конструктов осознать (сделать позитивный выбор), а какие-то — не осознавать (сделать негативный выбор)*. Сама работа механизма принятия решения об осознании *не осознана*. Интересно здесь то, что решение о неосознании — это тоже выбор, хоть и негативный. Так, если мы что-то не можем вспомнить, то лишь потому, что неосознанно приняли решение не вспоминать. Негативно выбранные значения не нейтральны для сознания, они активно отвергаются сознанием, а не просто остаются в стороне от него. Можно экспериментально показать, что негативный выбор реально существует и влияет на характеристики человеческой деятельности.

Например, в эксперименте М. Г. Филипповой испытуемые решали ряд когнитивных задач, таких как разгадывание анаграмм, опознание медленно проявляющихся слов и ри-

⁴ Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В. М. Аллахвердов и др. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 19.

сунков, опознание рисунков по фрагментам. В соответствии с так называемой методикой прайминга, непосредственно перед решением задач испытуемым предъявлялись контекстуально связанные с этими задачами стимулы (праймы). Обычно праймы изменяют реакцию человека на предъявление последующих стимулов (в данном случае – задач), причем этот эффект имеет место независимо от того, осознаются праймы или нет. В описываемом эксперименте в качестве праймов выступали многозначные изображения, такие как дерево/лицо, саксофонист/женщина, утка/кролик, а также незавершенные рисунки, однозначные изображения и бессмысленные наборы пятен. Стимулы предъявлялись на экране компьютера, разделенном на две половины. Сначала в левой половине экрана предъявлялось изображение-прайм и испытуемому предлагалось определить, что он видит, а затем в правой половине экрана он решал одну из когнитивных задач. При этом он в любой момент мог вернуться к заданию в левой половине экрана и исправить ранее введенный ответ. В ходе эксперимента измерялась скорость решения когнитивных задач и ее зависимость от наличия смысловой связи между задачами и праймами. Было установлено, что предъявление бессмысленных праймов или однозначных изображений, не связанных с контекстом задач, не влияло на скорость решения. Предъявление однозначных изображений, связанных с контекстом, ускоряло решение задач. Это можно объяснить тем, что оно служило своеобразной подсказкой. Аналогично, способствовало скорости решения и осознание связанного с контекстом значения многозначных изображений. А вот неосознаваемые значения праймов, в случае их связи с контекстом задачи, замедляли время ее решения. То есть наличие негативно выбранных значений препятствовало более эффективному выполнению осознаваемой деятельности, предположительно за счет того, что вызывало внутреннее напряжение. Все выпадает так, как если бы механизмы сознания активно тратили энергию и время на то, чтобы негативно выбранные значения не были осознаны⁵.

Для меня подобные эксперименты интересны в основном тем, что доказывают существование неосознаваемых ме-

⁵ Экспериментальная психология познания... С. 165–186.

ханизмов работы сознания, переводя чисто философские дискуссии в эмпирическую плоскость. Ведь идея существования неосознаваемых механизмов сознания уже подвергалась философской рефлексии. Один из наиболее авторитетных и недавних ее критиков – Джон Сёрл. Его аргументы изложены в книге «Открывая сознание заново» (1992). Книга Сёрла направлена, прежде всего, на борьбу с редукционизмом в понимании сознания, и его идеи следует рассматривать именно в этом контексте. Редукционизм в понимании сознания – это когда его пытаются свести к чему-то другому, к тому, чем сознание не является. Сёрл детально показывает неудовлетворительность различных вариантов сведения сознания к физиологии или поведению и настаивает на том, что сознание следует описывать изнутри, «от первого лица». Он считает, что сознание – это свойство материи, но такое свойство, которое, в отличие от ее других свойств, не наблюдается извне. Сознание – это субъективное ментальное состояние, то есть это состояние, в котором человеку непосредственно даны какие-то смыслы. Фактически Сёрл имеет в виду, что сознание – это осознание смыслов, и спорит с теми, кто пытается понимать сознание хоть как-то иначе. И это, в конечном счете, приводит его к принципиальному отрицанию возможности существования неосознаваемых смыслов и механизмов сознания.

Большинство состояний сознания, хотя и не все, согласно Сёрлу, обладают внутренней интенциональностью, то есть нацеленностью, направленностью на что-то иное. «Если я осознаю стук в дверь, то мое сознательное состояние интенционально, поскольку оно указывает на нечто помимо меня, а именно на стук в дверь. Если же я осознаю боль, то боль не интенциональна, ибо она не представляет ничего помимо себя»⁶. Настроение, как и боль, может быть неинтенциональным, то есть оно не обязательно является настроением по поводу чего-то конкретного. Но «настроение никогда не конституирует все содержание сознательного состояния. Скорее настроение обеспечивает тональность и колорит, которые характеризуют сознательное состояние в целом или последова-

⁶ Сёрл, Дж. Открывая сознание заново. М. : Идея-Пресс, 2002. С. 94.

тельность сознательных состояний»⁷. Поэтому, пишет Сёрл, сознание в основном интенционально. А всякая интенциональность обладает свойствами перспективности и аспектуальности. То есть все, что осознается, осознается с определенной точки зрения и в каких-то одних, а не других аспектах. Аспектуальность – обязательное свойство субъективно осознаваемого смысла. И оно не может быть объяснено в терминах третьего лица.

Интенциональность, согласно Сёрлу, может быть сознательной, либо бессознательной. Но не может быть «никакого иного понятия бессознательного, кроме того, которое потенциально сознательно»⁸. То есть никаких ментальных состояний, в принципе недоступных сознанию, быть не может, и всякое бессознательное состояние потенциально обладает свойствами субъективности, перспективности, аспектуальности. То, что хотя бы потенциально недоступно осознанию, не может принадлежать к области смысла. Бессознательное, по Сёрлу, это либо лишенное смысла физиологическое, либо вытесненное сознательное.

Сёрл отвергает метафору смыслового пространства, согласно которой бессознательные смыслы можно уподобить вещам в темной комнате, доступным лишь по мере того, как мы входим в комнату и освещаем их фонарем. Сёрл пишет, что «эти образы в принципе неадекватны, поскольку они основываются на идее постоянной ментальной реальности, которая то появляется, то исчезает. Однако погруженное в глубины психики убеждение, в отличие от погруженной в воду рыбы, будучи бессознательным, не может сохранить свою сознательную форму, ибо единственной проявляющейся реальностью этой формы служит форма сознательных мыслей»⁹. То есть, согласно Сёрлу, ментальные состояния являются таковыми лишь в той мере, в какой осознаются. А поскольку результатом действия предполагаемых вычислительных механизмов сознания должны быть как осознаваемые, так и неосознаваемые смыслы, эти механизмы, по логике Сёрла, не могут существовать. Поскольку, если бы они существовали, то существовали бы и неосознаваемые смыслы.

⁷ Сёрл, Дж. Указ. соч. С. 138.

⁸ Там же. С. 148.

⁹ Там же. С. 165.

Метафору пространства Сёрл отвергает лишь потому, что отождествляет сознание и осознание. Согласно этой метафоре, человеческое «я» должно отличаться от пространства, в которое «входит», что невозможно, с точки зрения Сёрла. Однако если различить сознание и осознание, «я» действительно будет отличаться от того пространства смыслов, которые ему доступны лишь потенциально, но не актуально. В экспериментах Аллахвердова и его учеников это те смыслы, которые выбираются негативно. Причем, как показывают эти эксперименты, эти неосознаваемые смыслы реальны, так как влияют на поведение. Более того, из факта существования позитивного и негативного выбора следует реальность механизмов осуществления этого выбора. Эти механизмы должны работать со смыслами, но их работа не может осознаваться.

Согласно Сёрлу, существуют либо бессознательные нейрофизиологические процессы, которым нельзя приписывать наличие какого-либо смыслового содержания, либо смыслы (ментальные состояния), которые хотя бы потенциально могут быть осознаны. Автоматы, считает Сёрл, с интенциональными смыслами не работают, со смыслами работает только сознание. Но я думаю, что если вычислительные механизмы сознания существуют, они должны быть некими алгоритмами преобразования смысла. Продолжая компьютерную метафору, они должны быть программами, а не «железом». Их работа в принципе не осознается, но они – не физиологические процессы. Я бы назвал такие механизмы трансцендентальными. И как о всяких трансцендентальных механизмах, о них можно что-либо узнать лишь косвенно, путем наблюдения за результатами их работы. Построение научной теории человеческой психики и поведения требует описания таких неосознаваемых механизмов, независимо от того, будем мы считать их интенциональными или нет.

Важно то, что книга Сёрла не столько о сознании, сколько о психике вообще (mind). В оригинале она так и называется – 'A re-discovery of the mind'. Поэтому речь в ней идет о субъективных ментальных состояниях в широком смысле, не сводимых к специфически человеческому сознанию. «Я совершенно убежден в том, – пишет Сёрл, – что моя собака так же, как и другие высшие животные, обладает ментальными

ми состояниями, подобными визуальному опыту, переживаниям боли, ощущениям жажды и голода, холода и тепла. <...> Короче, хотя у меня нет прямого доступа к сознанию собаки, тем не менее мне представляется хорошо засвидетельствованным эмпирическим фактом, что собаки обладают сознанием, и это проверено с помощью достаточно убедительных свидетельств»¹⁰. Из этой цитаты видно, что термин *сознание* понимается здесь достаточно широко, в качестве синонима *ментального состояния*. Кроме того, она демонстрирует некоторую методологическую непоследовательность Сёрла. Доказывая в этом месте книги, что наличие сознания у других людей и животных само собой разумеется и не требует научных доказательств, он ссылается на эмпирические факты и внешние свидетельства. Зато в других местах, где критикует идею вычислительных механизмов сознания, он пишет, что сознание может быть исследовано только «изнутри» от первого лица. О том, что собака и другой человек обладают сознанием, он судит на основании их внешнего вида и поведения и исходит из этого само собой разумеющегося знания в своих исследованиях, но при этом приходит к теоретическому выводу, что сознание и поведение независимы.

В случае полемики с Сёрлом принципиальный вопрос заключается в том, должны ли мы доверять экспериментам и наблюдению от третьего лица. Сёрл считает, что это недопустимо в отношении сознания, но вполне допустимо в отношении мозга. То есть физиологи могут быть естествоиспытателями, а психологи и философы – нет. С одной стороны, Сёрл справедливо возражает против того, чтобы редуцировать сознание к физиологии. С другой стороны, он сам редуцирует к физиологии бессознательное. Мне кажется, что это непоследовательно. В целом я думаю, что, хотя критика Сёрлом материалистической редукции сознания весьма убедительна, отрицание им вычислительных механизмов сознания недостаточно аргументировано.

Борьба Сёрла с редукционизмом вообще симптоматична. Мне кажется, что причиной такой борьбы у очень многих авторов является необходимость утвердить свою человеческую свободу, внутренняя невозможность признать себя авто-

¹⁰ Сёрл, Дж. Указ. соч. С. 84.

матом. Отсюда, например, типичное для некоторых феноменологов отрицание роли бессознательного в человеческом поведении¹¹. Отсюда же, возможно, и отказ признать существование вычислительных механизмов сознания у Сёрла. Видимо, здесь работает следующая логика: если мое сознание и поведение являются результатами влияния бессознательного и работы автоматических механизмов, то я – автомат и сознание не является гарантом моей свободы; но поскольку я знаю, что свободен, ни таких механизмов, ни бессознательного не существует.

Однако наличие таких автоматических механизмов не лишает человека свободы. Кстати, Аллахвердов тоже выступает против редукционизма, но это не мешает ему признавать существование неосознаваемых механизмов сознания, а последнее не мешает мыслить сознание свободным. Тем не менее, проблема для него существует. «До сих пор не ясно, например, каким образом человеческое сознание может проявлять свободную волю и делать самостоятельный выбор. Ибо если сознательное решение предопределено какими-нибудь причинами (генетическими, социальными, ситуацией, прошлым опытом, таблицей случайных чисел или чем угодно еще), то никакого свободного выбора нет, решение принимается автоматически. А сознание, собственно говоря, тогда вообще не нужно. Если же решение, принимаемое сознанием, ничем не обусловлено, то сознание и не может его принять, поскольку для этого у него нет никаких оснований»¹².

Итак, является ли человек сознательным и, следовательно, свободным действующим существом или все его действия определяются неосознаваемыми автоматами? Согласно Аллахвердову, сознание не имеет доступа к работе механизма осознания, соответственно сознанию не известны причины появления в нем тех или иных конструктов. Поэтому оно

¹¹ См. у Сартра: «Экзистенциальный психоанализ отвергает постулат бессознательного; для него психический факт совпадает с сознанием» (Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000. С. 574).

¹² Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В. М. Аллахвердов и др. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 12–13.

вынуждено строить догадки об источнике собственных мыслей и в результате приходит к представлению о самом себе как причине собственных мыслей и действий. Далее в течение жизни сознание постоянно проверяет это представление и организует деятельность так, чтобы соответствовать ему. «Иллюзия обращается в истину, поскольку реально управляет нашими мыслями, чувствами и поведением. Так представление о самом себе превращает человека в самого себя»¹³. Свободным можно считать такое действие, которое «детерминировано лишь тем, что оно не детерминировано ничем»¹⁴.

Реально свобода проявляется в том, что сознание может проверять выбранные конструкты, отказываться от ошибочных конструктов или исправлять их. То есть, сознание может быть не удовлетворено сделанным позитивным выбором, отказаться от любой ошибочной гипотезы и затребовать у бессознательных механизмов новую. Оно ограничено неосознаваемыми механизмами, так как пользуется результатами их работы, но свободно, так как может критиковать и отбрасывать неудовлетворительные результаты. Тем не менее, сознание не творит, оно лишь отбирает результаты творчества неосознаваемых механизмов.

Многие социальные теории, например, символический интеракционизм в интерпретации Г. Блумера, а также философская феноменология и экзистенциализм, исходят из того, что человек свободен в принципе и поэтому может совершенно свободно конструировать свое поведение в любой момент. Однако это не совсем так. Человек может быть свободным в отдельные моменты, но чаще всего поступает автоматически, не задумываясь о свободе. Кроме того, он иногда вынужден поступать автоматически, если намерен в реальной ограниченной временем и средствами ситуации сделать хоть что-то. Человек – не бесплотный дух, его дело и механизмы сознания обладают инерцией. Именно об этом пишет П. Бурдьё, когда критикует философию действия Ж.-П. Сартра, с одной стороны, и игнорирование фактора времени структуралистами, с другой¹⁵.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Бурдьё, П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001.

Свобода выбора конструктов воспринимаемой ситуации и конструктов поведения в ней не обозначает, что эти конструкты создаются осознанно и из ничего. Они создаются путем извлечения смысла из имеющихся в опыте человека образцов в результате работы неосознаваемых механизмов. Не значит свобода и того, что осознанное поведение всегда приведет к прогнозируемому социальному результату. Чаще всего «мы хотим как лучше, а получается как всегда». Однако свобода обозначает принципиальную возможность отбрасывать неприемлемые конструкты и «запрашивать» у механизмов сознания новые. К сожалению, но иногда и к счастью, в практических ситуациях не всегда есть время на перебор различных вариантов. И тогда человек «отключает» свою свободу, выбирая первый предложенный привычный конструкт, который как-то разрешает ситуацию. У лентяев, трусов, депрессивных пессимистов и неудачников типичными являются одни конструкты, у рискованных и смелых, успешных оптимистов – другие. Тот, кто привык размышлять и задумываться над своей жизнью, обычно выбирает конструкты, сильно отличающиеся от тех, что избирают люди, не любящие думать. Тот, кто постоянно решает творческие проблемы, обычно отбрасывает стереотипные конструкты, навязываемые массовой культурой.

Большинство человеческих действий являются автоматическими в той мере, в какой совершаются по привычке и без осмысления их предпосылок и результатов. Свобода же заключается в том, что человек может в принципе решить для себя, какая стратегия жизни ему больше импонирует. Если человек способен вести себя сознательно и свободно в отдельные моменты своей жизни, эту способность, видимо, можно тренировать. Итогом таких тренировок может стать увеличение доли свободных действий в общем объеме поведения. Знание того, как различные факторы влияют на наши позитивные и негативные выборы, можно практически использовать, чтобы как-то контролировать работу механизмов осознания. Я имею в виду, что, если определенный тип сознательного принятия или отказа от результатов работы механизма неосознаваемого выбора влияет на его работу, можно попытаться сознательно «приучать» его к тому, что определенные типы выбора изначально являются неприемлемыми.